

ББК 87.0

Л.Е.Грошев**ВРЕМЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО
И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО**

The paper aims to reveal the impact of time ideas on forming individual and public conscience of a certain epoch considered on the example of belle letters.

Одной из характернейших черт современного философского подхода к проблеме времени является тенденция к своего рода увеличению количества способов его осознания, благодаря вовлечению в акт осмысления темпоральной динамики все более отвлеченных или по-иному осмысленных из использовавшихся для этой цели ранее понятий и представлений, на основе которых осуществляются попытки философской рефлексии относительно времени. Привлечение иных смыслов и содержаний в проблемную область темпоралистики делает возможным процесс формирования представления о времени и его качествах, адекватного современному уровню развития философского мышления. Разумеется, речь здесь идет не о выработке кардинально иного представления: история философии, да и история человеческого сознания вообще предоставляют достаточное количество свидетельств глубочайшего интереса и внимания человека к данной проблеме. Очевидно, что основные тенденции в развитии представлений о времени и их основные типы сформированы на достаточно ранних стадиях попыток осмысления времени. Скорее имеет место их дальнейшее развитие в рамках развивающихся научной и философской картин мира, что несомненно ведет к более глубокому и полному выявлению особенностей временных взаимосвязей и пониманию природы времени.

Следует отметить, что в последнее время именно философская рефлексия относительно темпоральной проблематики, позволяющая вывести категорию времени из плена сугубо математических и механических естественнонаучных определений, открывает перед исследователем возможность более целостного понимания времени, выявления его особенной аксиологической значимости, привнесения в его осознание личностных аспектов. Недостаточность естественнонаучного определения времени, отмеченная некоторыми исследователями [1], связана прежде всего с видением времени как бесконечного процесса смены единообразных моментов, во всем тождественных друг другу. Такое видение отрывает всё многообразие временных взаимосвязей, последовательность моментов и интервалов между некоторыми из них, от того, что в непосредственной жизни человека придает этим моментам и их группам особую смысловую и эмоциональную нагрузку, которая позволяет человеку идентифицировать их как то или иное «время» своей жизни. Как время, которое хотя и может быть измерено в отвлеченных математических единицах, но не исчерпывается подобной количественной мерой, будучи живым ощущением в фазе настоящего и становясь своего рода структурной единицей человеческой личности, во многом определяющей собой особенности ее последующего глубинно-личностного и социального самоотождествления, по мере перехода в прошлое. Одним из важнейших следствий осознания времени в его «гу-

манистическом», личностном аспекте является неизбежность признания неравнозначности моментов человеческой жизни, их взаимозаменяемости и уникальности.

Подобный подход к осознанию времени более характерен для искусства, в частности для художественного творчества, чем для строго научного описания мира. Примером такого рода философского осмысления тех или иных проблем в соединении с художественной формой может служить тот особенный жанр литературного произведения, который обычно обозначается как философский роман.

Попытки философского рассмотрения художественного произведения данного типа, образцом чего являются, например, философские опыты, проведенные М.К.Мамардашвили над романами Пруста, привели к выявлению той особой значимости, которую имеет время в его нематематическом и обратимом понимании, как для структуры литературного произведения, так и для человеческой жизни, представленной в личностях и судьбах его героев. Учитывая же то, что философский роман во многом является отображением реально существующих или существовавших социальных и личностных взаимосвязей, призванным представить их в динамике осуществляющегося развития, философский интерес к такого рода творчеству вдвойне оправдан. Особенно в случае, когда произведение, принадлежа прошлой эпохе, может хотя бы частично донести до современного исследователя те ее особенности и мотивы, которые в своей совокупности во многом определили, став достоянием социальной памяти, черты социальных и личностных взаимосвязей сегодняшнего дня.

В этом отношении весьма многообещающим представляется обращение к произведениям Ф.М.Достоевского, одного из наиболее выдающихся писателей XIX в., чье творческое наследие принадлежит не только литературе, но и философии. И поскольку любое сознание, любая личность, любая философская система (которые присутствуют, хотя и в скрытом виде, как это отмечают некоторые исследователи [2], в романах Достоевского) — это продукты определенной эпохи, сформированные в характерной для нее динамике социокультурной среды и раскрывающие всю полноту своих смыслов только при учете характерных социально-экономических, политических, культурных и мировоззренческих изменений, небезынтересно рассмотреть те особенности современной Достоевскому действительности, которые определили собой его философско-мировоззренческую позицию, преимущественно в плане темпоральной проблематики.

Одним из основных социально-экономических факторов современной Достоевскому российской действительности был набиравший силу процесс индустриализации, оказывавший влияние практически на все сферы жизни человека и общества. Новые производственно-социальные отношения порождали и новое отношение к основополагающим составляющим человеческого бытия, в том числе и ко времени. Организация труда во времени в доиндустриальном обществе была в гораздо большей степени, чем в обществе индустриальном, основана на природных и человеческих ритмах [3]. Усиление темпов роста машинного производства, предполагавшего возможность получения прибыли в гораздо меньшей зависимости от сезонных и биологических ритмов, обеспечивало все большее отождествление времени с циклами и ритмами работы машин как в индивидуальном, так и в общественном сознании. Появившаяся необходимость в точной координации и синхронизации деятельности различных групп людей, обслуживающих машины, простой которых обходился слишком дорого, подталкивала к сосредоточению внимания на все более мелких единицах времени и к все более точному их определению и исчислению. Жизнь в соответствии с разбитыми на единообразные и взаимозаменяемые интервалы ритмами работы механизмов с неизбежностью вырабатывала представление (иногда бессознательно) и о времени в целом как о бесконечном процессе смены бесконечно малых моментов настоящего, уходящих из бесконечности будущего в бесконечность прошлого, что формировало иной по сравнению с доиндустриальными тип человеческого сознания.

Характерным представлением для домашней стадии развития человечества является представление о циклическом времени, основанное первоначально на наблюдении дневных, годовых и сезонных ритмов природы. Разумеется, непосредственная конкретика

этого представления разнится в зависимости от географических, национальных и культурных предпосылок, однако в основе своей оно типично: мир существует как повторяющийся цикл творения, включающий в себя стадии возникновения, становления, упадка и уничтожения. Подобный способ осознания времени, помимо формирования соответствующих онтологических и космологических представлений, во многом определяет и этические доминанты личности. В отличие от линейного механического времени индустриальной эпохи, равномерного и отвлеченного, циклическое время подразумевает в своей структуре несколько последовательных этапов, каждый из которых обладает отличными от других качествами признаками, характеризующими особенности существования мира и человека в нем в рамках данной стадии. Типичной моделью такого цикла являются четыре стадии творения мира индийской мифологии и представление о постепенной смене Золотого века железным — античной. Характерной является тенденция к рассмотрению последовательности стадий, а соответственно и существования мира во времени, как процесса постепенной деградации мира, отпадения его от первоначального совершенства. Следует отметить, что подобное представление в его несколько идеологизированном и интеллектуализированном варианте является основанием историософских представлений Достоевского, который вместе с так называемым «поколением 40-х» горячо верил в идею возвращения Золотого века, царившего некогда на земле, которую поколение Достоевского заимствовало в «смешанной форме» у Руссо, Шиллера, Шеллинга и так называемых французских утопических социалистов [4].

При сопоставлении этих двух способов осознания времени (в самом широком его понимании) в целом можно сказать, что циклическое представление более основано на внутренних интуициях человека и сакрально, что соответствует большей степени вовлеченности сознания в собственную психическую деятельность, тогда как линейное представление характеризуется большей степенью абстрагированности и соответственно вовлеченности сознания в процессы внешнего мира.

Не следует думать, что индустриализация как фактор, способствующий формированию определенной тенденции в восприятии и осознании времени, непосредственно сказывалась только на людях, вовлеченных в процесс обслуживания производственных механизмов. Принеся с собой изменения фактически во все сферы человеческой жизни с внедрением сопутствующих явлений (таких, например, как железные дороги, чье функционирование целиком основано на соответствии расписания движения механическому времени часов), упоминание о чем неоднократно встречается на страницах как художественных, так и публицистических произведений Достоевского («Нынче век пароходов и железных дорог»), динамика индустриального общества постепенно изменяла общественное и личное сознание. Причем стоит отметить, что более отчетливо это изменение проявлялось в городской и фабричной среде, тогда как сознание земледельца, представителя сельскохозяйственной общины, во многом и до сих пор базируется на немеханических ритмах и циклах природы.

Учитывая то, что представления о времени непосредственно связаны с общими условиями и формами человеческой жизнедеятельности, можно говорить об их формирующей роли в представлениях личности о самой себе. Указанные выше два основных способа осознания времени (линейный и циклический) порождают, таким образом, различные варианты самоопределения и самоидентификации личности, задающие соответствующие этические координаты и поведенческие мотивы.

Представления о времени как о процессе циклической смены определенных качественно различных эпох предполагает соответствие происходящего определенной архетипической модели, что придает действиям и жизненным ситуациям человека смысловую нагрузку, степень которой определяется степенью указанного соответствия. Осмысленность собственного существования при осознании себя в рамках циклического времени достигается, как это продемонстрировано на обширном религиозном и этнографическом материале некоторыми исследователями [5], благодаря религиозной уверенности в существовании особого первовремени, идеального состояния, постепенное отпадение от которого и

последующее его восстановление представляет собой отдельный цикл мирового процесса. Это сакральное первовремя, воплощением которого на земле является следующий первым в последовательности смены этапов в рамках одного цикла так называемый Золотой век (собирательный образ, известный фактически в каждой культуре), есть время, глубоко отличное от времени как длительности и сопричастное вечности. Именно это первовремя представляет собой архетип, возвращение к которому в обрядах и ритуалах призвано поддерживать существование человеческого Космоса. Таким образом, через осознание собственной ответственности за существование осознанного и оформленного Хаоса, ставшего Космосом, достигается сопричастность отдельной личности бытию всего мира. Этот момент сопричастности и ответственности порождает и особенное отношение к собственной жизни, которое позволяет личности достичь примирения с горестями и тяготами непосредственного существования, а следовательно, и с самим собой. Не последнюю роль в этом придании осмысленности и значимости собственному существованию человека играет понимание неслучайности и необходимости себя как частицы реализуемого волей высшего существа мирового процесса.

Первым шагом в формировании линейного представления о времени стала христианская идея неповторимости и уникальности творения. Кардинально новое восприятие событийного контекста мира, которое стало достоянием культуры христианской, явилось следствием осознания древнееврейскими пророками того непосредственного влияния, которое оказывает на существование мира всемогущая воля Яхве. Мир, циклически возобновляющийся, обречен на вечное повторение самого себя, и божество есть лишь гарант того, что все вновь случится так, как случалось всегда. Для нового миропонимания любое событие есть непосредственное деяние верховной сущности, изъявляющей таким образом свою волю, и потому уникально и самоценно, в отличие от представлений, характерных для циклического осознания времени, где любое событие или явление наделяется признаками существования только ввиду его соответствия архетипической модели. Не стоит забывать, что именно христианская концепция породила в конечном итоге тот тип сознания и мировосприятия, который сделал возможным появление механистической цивилизации Запада и феномена индустриализации в его рамках.

Усиление товарно-денежных отношений, характеризовавшее возникшую на основе средневековой европейской феодальной культуры буржуазную эпоху, способствовало формированию механистического представления о времени. В сознании городского жителя этой эпохи время все более отождествлялось со временем затрат на поделенные между товаропроизводителями операции [1]. Таким образом, на смену не отвлеченным от природных ритмов циклическим представлениям приходит все более отвлеченная, механическая абстракция временной длительности, в составе которой связь времени могла быть выражена только в виде простой последовательности во всем равных друг другу безразличных, не столько связанных между собой, вытекающих одна из другой, сколько рядоположенных единиц отвлеченной длительности.

Следствием признания равнозначности и взаимозаменяемости моментов в мировоззренческом плане является осознание себя не необходимым элементом мироздания, а случайным порождением мирового развития.

Глубочайшее влияние, оказанное формированием подобного механистического представления на общественное и личное сознание, имело в целом негативный оттенок. Вместе с идеей прогресса, напрямую вытекавшей из признания линейного развития человечества, оно лишило саму идею времени того, что придавало ему смысл в доиндустриальную эпоху: время переставало быть сакральным, лишалось своей метафизической наполненности. В личностном плане это выражалось в потере определенной части мировоззренческих ориентиров, что зачастую приводило к коренному преобразованию личностного самосознания, вплоть до полного нивелирования личности в отдельных случаях. Разумеется, речь идет не о мгновенном изменении сознания: произведения Достоевского изобилуют примерами ситуаций, характеризующихся противостоянием двух мировоззренческих установок, которые

можно обозначить как сакрально-религиозную и «нигилистическую». Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что во многом приверженность той или иной позиции опосредуется присущей личности форме осознания времени со всеми вытекающими отсюда мировоззренческими следствиями.

Новое отношение к окружающей человека природной и социальной среде неизбежно порождало в его носителе стремление каким-либо образом заполнить мировоззренческую брешь, образовавшуюся после утраты осознания сакральности всего мироздания и собственного существования в частности. На смену религиозно-интуитивному осознанию собственного существования, для которого характерно акцентирование личностной активности в не-рациональной, духовной сфере, что выражается в осознании собственной жизни как времени, отпущенного человеку для религиозного становления себя, приходит интеллектуально-рационалистическое (разного уровня и качества, в зависимости от индивидуальных способностей и общего уровня развития личности) осознание. Если первое основывается на эмоционально-чувственном переживании событий окружающего мира и собственной жизни, то второе предполагает их рассудочную оценку, что зачастую приводит к крайнему утилитаризму.

Примером попытки формирования подобного миропонимания в произведениях Достоевского может служить тот интеллектуальный эксперимент над собой, который стал определяющим фактором в жизни Раскольникова. В личности этого героя отчетливо прослеживается тенденция к замещению сакрально-религиозного самоосуществления рационалистическим. На смену христианскому «не убий» приходит интеллектуально обоснованная уверенность в оправданности убийства одного человеческого существа ради возможного в перспективе облегчения участи нескольких.

Явления подобного типа невозможно рассматривать в отрыве от того социального и культурного контекста, который явился питательной средой, обеспечившей возможность их появления. Во многом подобная рационализация, «нигилизация» самоосуществления личности стала возможна благодаря формированию в указанный период развития российского общества особого социального слоя, интеллигенции. Особенностью этого социального слоя того периода была его ориентированность на научные и интеллектуальные достижения Европы, в различной степени понятые и усвоенные. Во многом это свидетельствует о том, что российское социальное сознание того времени находилось на уровне, соответствующем в индивидуальном плане периоду в развитии личности, когда для нее характерно стремление к обретению надежного источника знаний и представлений об окружающем мире, зачастую выраженное в стремлении найти мудрого и опытного наставника (что является рудиментом практики посвящения или инициации в архаических обществах). Соответственно и личности, порождаемые социумом, находящимся в данной фазе развития социального самосознания, представляют собой по сути лишь одну из ранних ступеней на пути формирования такого типа самосознания, который был бы адекватным и полным выражением национальной и культурной самобытности, проявленной в новых социально-экономических условиях.

Одним из характерных моментов современного философского осмысления времени является признание его многоуровневости и неоднозначности. Возможно говорить о различных типах времени: физическом, биологическом, геологическом, историческом. Одной из наиболее перспективных в плане философского исследования форм проявления времени является личностное время. Осознание себя как временного интервала от рождения до смерти, при условии понимания важности каждого момента своей жизни и их неравнозначности («в юности часы длиннее, чем в старости дни»), способно стать для человека основой самореализации как в плане личностном, так и в социальном [6].

Непосредственно в произведениях Достоевского термин «личностное время» не встречается, однако его понимание природы времени довольно убедительно свидетельствует о том, что он воспринимал его через призму жизни непосредственной личности («...настоящая минута действительно могла быть для нее из таких, в которых вдруг, как в фокусе, сосредотачивается вся сущность жизни, — всего прожитого, всего настоящего и,

пожалуй, будущего» [7]). Видя же цель человечества в достижении утраченного когда-то идеального состояния (Золотого века) усилиями непосредственно людей, их личностного преобразования и объединения на принципах соборности в идеальном социальном целом (некоторые исследователи творчества Достоевского склонны видеть в его понимании Христа прообраз единого социального тела), Достоевский не мог не осознавать важности личностно-временной проблематики в деле достижения рая Христова.

1. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М.: Наука, 1987. 356 с.
2. Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. М.: Изд-во МГУ, 1979. 342 с.
3. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 781 с.
4. Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997. 372 с.
5. Элиаде М. Время мирское и сакральное. М.: Изд-во МГУ, 1994. 564 с.
6. Донченко А.П. Фактор времени в нравственном становлении и развитии личности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 174 с.
7. Достоевский Ф.М. Бесы. М.: Славянка, 1994. С.112.